

Трилогия Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный» как религиозно-философский трактат

Е. А. Осминина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eleosminina@mail.ru*

Аннотация. В статье предлагается определение жанра трилогии Д. С. Мережковского, состоящей из трех частей: «Тайна Трех: Египет и Вавилон» (1925), «Тайна Запада: Атлантида – Европа» (1930), «Иисус Неизвестный» (1932–1934). Выделены особенности типа произведения, темы, композиции, стиля, формы подачи материала. Трилогия представляет из себя развернутое доказательство базовых религиозно-философских идей писателя на историко-культурном материале. В основу композиции положено рассуждение с аргументацией по аналогии и опорой на авторитет. В языке выделены особенности, характерные для научного стиля: сложные конструкции, уточнения, обобщения, определения и объяснения. Сделан вывод о том, что жанр трилогии может быть обозначен как религиозно-философский трактат.

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, Иисус Неизвестный, трактат, Египет, Вавилон, Атлантида, Европа, Израиль.

Для цитирования: Осминина Е. А. Трилогия Д. С. Мережковского «Иисус Неизвестный» как религиозно-философский трактат // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 145–150.

Original article

D. S. Merezhkovsky' Trilogy "The Unknown Jesus" as a Religious and Philosophical Treatise

Elena A. Osminina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eleosminina@mail.ru*

Abstract. This article suggests a definition of the genre of D. S. Merezhkovsky's trilogy consisted of three parts: "The Mystery of Three: Egypt and Babylon" (1925), "The Mystery of the West: Atlantis – Europe" (1930), "Jesus Unknown" (1932–1934). There identify the peculiar properties of the type of work, theme, composition, style, form of presentation of the material. The trilogy is a detailed evidence of the basic religious and philosophical ideas of the writer on the historical and cultural material. The composition based on reasoning with the argument by analogy and reliance on authority. The peculiar properties typical for the scientific style are highlighted in the language: complex constructions, abundance of clarifications, generalizations, definitions and explanations. It is concluded that the trilogy can be called the religious-philosophical treatise.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Jesus Unknown, treatise, Egypt, Babylon, Atlantis, Europe, Israel.

For citation: Osminina, E. A. (2023). D. S. Merezhkovsky' trilogy "The Unknown Jesus" as a religious and philosophical treatise. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 145–150.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о жанре трилогии Д. С. Мережковского «Иисус Неизвестный» остается открытым. О. А. Коростелёв и Е. А. Андрущенко, касаясь его в послесловиях к первым двум книгам трилогии «Тайна Трех: Египет и Вавилон» и «Тайна Запада: Атлантида – Европа», приводят определения жанра, данные при жизни писателя, в том числе и самого Мережковского: «Эта книга – путевой дневник» (Д. С. Мережковский), а также критики: «интуитивное постижение скрытого смысла» (Б. В. Вышеславцев), «исследование-догадка» (И. П. Демидов), «статья» (А. В. Бахрах), церковных кругов: «новый апокриф» [Мережковский, 2017]. Писатель А. Амфитеатров обозначил вторую часть трилогии как «труд философский и богословский, но точно также и публицистический вопль» [Амфитеатров, 1930, с. 3].

Нет однозначного определения и у современных литературоведов. Н. А. Никулина назвала последнюю часть трилогии романом-эссе [Никулина, 2002]. А. В. Лавров обозначил первую ее часть как опыт «в жанре философско-исторического и религиозно-мистического эссе» [Лавров, 2013, с. 353]. В. В. Полонский отнес трилогию к «метаисторической публицистико-философской прозе» [Полонский, 2008, с. 110], возвел генезис жанра к «афористике Ницше» и «розановскому “разорванному” письму образца “Уединенного” и “Опавших листьев”» [там же, с. 136–137]. Теоретики литературы называют произведения В. В. Розанова «эссеистикой» [Хализев, 2000, с. 317]. Вместе с тем Полонский сравнил Мережковского с Амфитеатовым, а жанр произведения последнего обозначил как «научно-популярный трактат с господствующим публицистическим вектором избирательности» [Полонский, 2008, с. 59].

Представляется, что Мережковский тяготел в своей трилогии именно к трактату. Есть некоторое «прагматическое» объяснение для обращения писателя к научному жанру, достаточно для него новому (до Революции был опыт только литературоведения – трактат «Толстой и Достоевский»). З. Н. Гиппиус писала В. А. Злобину 13 декабря 1922 года про Американское христианское издательство, о котором ей сообщала С. Ремизова: это издательство издает не беллетристику, но платит долларами [Пахмусс, 1998].

Представляется, однако, что дело не только в прагматических соображениях. Мережковский в трилогии излагает собственную оригинальную религиозно-философскую концепцию. Как будто в эмиграции он смог, наконец, высказаться в полный голос и подвести итоги (в год отдельного издания первой книги ему исполнилось 60 лет).

В первых двух частях трилогии «Тайна Трех: Египет и Вавилон» (1925) и «Тайна Запада: Атлантида – Европа» (1930) писатель объяснил смысл и мифологические истоки своих важнейших символов и идеологем (путь вверх / вниз, буря, гроб / колыбель, умереть / родиться, сын / супруг, скопец / андрогин и пр.). «Иисус Неизвестный» (1932–1934), последняя часть, по которой названа вся трилогия, – может быть названа «главной книгой» писателя, считавшего: «без “Иисуса Неизвестного” дело мира не обойдется» [Мережковский, 2017, с. 776]. Для «пророка» неохристианства, религиозного модернизма, Третьего завета, Завета Духа-Матери, каким и был Мережковский, понятно обращение к истокам учения.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ТРИЛОГИИ

Трактат, по определению, «1) рассуждение на специальную тему; 2) один из основных жанров классического философствования, наиболее близкого по типу используемых стратегий к научному дискурсу. В трактате рассматривается отдельный вопрос или проблема» [Многообразие жанров философского дискурса, 2001, с. 265].

Какие же вопросы проблемы рассматриваются в трилогии?

Вероятно, структурообразующей оказывается мысль о синтезе язычества и христианства, христианстве как «откровении, апокалипсисе язычества» [Мережковский, 2001, с. 190]. Для Мережковского в его историософской триаде язычество занимает место Ветхого Завета, а после Нового следует «Третий Завет», Царство «Духа-Матери». Поэтому первая и вторая книга трилогии посвящены язычеству, третья – христианству. Заметим, что такой синтез (единство) характерен для гностических концепций, к которым многие литературные критики и ученые возводили систему Мережковского.

Это единство доказывается с помощью изложения и толкования мифа об умирающем-воскресающем боге, которое лежит в основе композиции первых двух книг трилогии. Для «Тайны Трех» – это мифы об Озирисе и Таммузе, для «Тайны Запада» – мифы о Кветцалькоатле, Адонисе, Аттисе и Дионисе.

Иисус Неизвестный, герой третьей части, – не умирающий-воскресающий бог язычества, но само язычество через этих «крещеных богов» [Мережковский, 2017, с. 404] воспринимается как преддверие христианства: «Озирис Египетский, Таммуз вавилонский, Адонис ханаанозгейский, Аттис малоазийский, Дионис эллинийский, в них

во всех – Он, по слову апостола Павла: “это есть тень будущего, а тело во Христе” (Колос. II.17)» [Мережковский, 2017, с. 19].

С вышеназванными богами связана вторая важнейшая мысль Мережковского – о богочеловеке / человекобоге. «Обожение», представление о человеке как о божестве и затем сомнение и разочарование в нем – особенность изображения главных героев исторических романов и биографий писателя. В трилогии писатель всё время подчеркивает единство божественного и человеческого в своих героях, например: «Озирис – человек, Бог и человек вместе; воистину Бог, и человек воистину» [там же, с. 82]. Такие же характеристики можно найти для Таммуза и далее...

Следующая мысль Мережковского – о Царстве Божьем на земле, о богочеловечестве / бесчеловечестве. Построение такого царства является главной задачей, целью деятельности богочеловека / человекобога практически во всех исторических романах и биографиях Мережковского. В трилогии этим богочеловечеством поочередно представляется в первой части – Египет: «След рая – на лицах египтян» [там же, с. 55], «он весь небесная радость земли» [там же, с. 57], – и Вавилон: «Именно здесь, в Месопотамии, был древле сад Господень, рай земной, Gan – Eden» [там же, с. 169]; во второй части – Атлантида, как пракультура, прародина Европы: «Атлантида – рай на земле» [там же, с. 259]. Основной целью Иисуса Незвестного и является установление Царства Божьего, которое «уже входило во время, в историю, и могло бы войти окончательно, если бы люди этого так захотели, как Он» [там же, с. 285].

Но богочеловечество грозит обернуться или прямо оборачивается бесчеловечеством, «всесмертью» – в исторических романах писателя, биографиях, в истории Египта: «Полный свет Египта – в богочеловечестве, сумерки – в человекобожестве» [там же, с. 127], Вавилона: «Вечной жизни ищет он – и находит вечную смерть» [там же, с. 204], Атлантиды: «кручи райского берега сделались срывами в ад» [там же, с. 263], такая же участь грозит и Европе.

Наконец, в первых двух частях трилогии поднимается столь интересующая Серебряный век «проблема пола». Мережковский решает ее в религиозном духе, пишет о религиозно-половых таинствах (воскрешение Изидой Озириса, обряде священной проституции в Вавилоне, Елевсинских таинствах), о двуполости и кровосмешении, об андрогине как совершенном богочеловеке. П. П. Гайденок именно эту тему считает главной у Мережковского; действительно, новизна его концепции, по сравнению с предшествующей традицией, – во внимании к полу, который толкуется как путь к богочеловечеству.

СПОСОБ ИЗЛОЖЕНИЯ МАТЕРИАЛА

С трактатом произведение Мережковского сближает не только цель, доказательство определенной идеи, но и подход, способ изложения материала. В первых двух книгах – это рассуждение, в расположении частей которого просматривается параллельность.

Аргументация строится с опорой на авторитет, подкрепляется многочисленными примерами, в том числе лингвистическими и литературными. Исключение составляет «художественные» отрывки в последней части трилогии («Иисус Незвестный»), которые Мережковский называет «апокрифами», вспоминая Фра Беато Анжелико [Мережковский, 1996, с. 81]. И всё же целиком апокрифом «Иисуса Незвестного» назвать нельзя. Художественные отрывки только входят в текст как цветные иллюстрации; в последней части книги Мережковский полностью от них отказался.

Метод рассуждения Мережковского может быть назван «антитетическим»: это диалектика без последнего синтеза. Вернее, к синтезу писатель стремится (сама идея Третьего Завета – идея синтеза), но никогда его не достигает. Об этом «вечном двоении», как «наиболее характерном» о Мережковском писал и Н.А. Бердяев [Бердяев, 2001, с. 335].

Антитеза проявляется у Мережковского на всех уровнях: и в базовых идеях (богочеловек / человекобог, богочеловечество / бесчеловечество), в аргументации (он объясняет чудеса «Иисуса Незвестного», вводя понятия «перевернутого мира», четвертого измерения: «Выйдите из этого мира, из трех измерений, и войдите в тот мир, в измерение четвертое, где нижнее становится верхним, и верхнее – нижним, правое – левым, и левое – правым, где все наоборот» [Мережковский, 1996, с. 262]) и в композиции – особенно четко в «Тайне Трех», с противоположно-подобием глав о Египте и Вавилоне.

Следующая черта, сближающая тексты Мережковского с научными трактатами – обширный историко-культурный материал, особым образом организованный. Уже тексты «Тайны Трех» пестрят цитатами со ссылками на труды по философии, религиоведению, культурологии, истории, археологии, истории искусства. «Тайна Запада» снабжена обширными примечаниями, оформленными в соответствии с требованиями науки того времени. Такие же примечания, с элементами научной полемики, завершают и текст «Иисуса Незвестного».

Количество упоминаемых авторов огромно; можно перечислить некоторых, наиболее часто цитируемых. Философы: А. Бергсон, Гераклит, Платон, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр; богословы: блж. Августин, св. Василий

Великий, св. Григорий Богослов, св. Ипполит Римский, св. Климент Александрийский, Ориген; многочисленные гностики; историки: Беросс, Геродот, Диодор Сицилийский, Манефон Себенитский; культурологи: И. Донелли, Ф. Ленорман, Дж. Фрэзер.

Из обширного историко-культурного контекста в трилогии Мережковского, следует выделить несколько «базовых» трудов, послуживших писателю образцами. Если говорить о «Тайне Трех» и отчасти «Тайне Запада» – это «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера. Именно к мифу об умирающем-воскресающем боге, с многочисленными примерами из Фрэзера, обращается писатель. Кроме того, в «Тайне Запада» очень широко используются материалы из книги И. Донелли «Атлантида: мир до потопа».

Сложнее с третьей книгой трилогии. Наиболее часто из историков культуры Мережковский здесь вспоминает Э. Ренана, полемизируя или соглашаясь с его «Жизнь Иисуса» (последняя входит в «Историю происхождения христианства»).

Огромный массив исследований по египтологии, ассириологии, гебраистике, культуре Древней Америки, Античности, Древней Европы. Мережковский называет важнейших представителей каждой отрасли науки. Например, для египтологии – во Франции: Ж.-Ф. Шампольон, О. Мариэтт, Ж. де Морган, Г. Масперо, Э. Амелино; в Германии: К. Лепсиус, Г. Бругш, А. Эрман, Л. Борхард, А. Видеманн, Эд. Мейер; в Англии: М. Мюллер (отчасти), А. Вейгалл, У. Бадж; в Америке: Дж. Брэстед; в России: Б. А. Тураев.

Писатель пересказывает и цитирует тексты мифов, литературных произведений описываемых культур, Евангелия канонические и апокрифические. Некоторые из них в «Тайне Трех» он перелагает сам: например, египетскую «Песнь арфиста», части «Эпоса о Гильгамеше».

ЯЗЫК ТРИЛОГИИ

Наконец, и форма изложения Мережковского сближает его тексты с научными сочинениями. Собственная религиозно-философская концепция доказывается с помощью фрагментов, на которые разбиты все главы всех частей трилогии. Фрагменты – традиционная форма философских сочинений. Труды столь часто цитируемого в трилогии Гераклита существуют в виде фрагментов; можно вспомнить фрагменты романтиков, Ницше, Розанова ... – всё это знаковые для Мережковского имена.

Общее строение фрагмента у писателя таково: цитата, ее распространение, вывод, примеры из языческой истории, связь с Новым Заветом, посыл для следующего фрагмента; может быть и иная

последовательность расположения. В каждом фрагменте, как правило, обсуждается один тезис; иногда поясняется и расширяется тезис предыдущего фрагмента, подкрепляется художественным образом или цитатой. Иногда в первом фрагменте делается образное допущение, а в следующем – оно становится уже аргументом.

Тезис предыдущего фрагмента часто повторяется внутри следующего, восходя на новый виток – действует принцип спирали. Мысль цепляется одна за другую, медленно разворачивается, переходит из фрагмента во фрагмент, кажется стройной, хотя в рассуждениях есть допущения; вводятся, как сами собой разумеющиеся, спорные положения. Это цепочка ассоциаций, где образ нанизывается на образ, символ – на символ. Зацепившись за словосочетание из цитаты, Мережковский начинает разворачивать цепь ассоциаций и, в конце концов, может прийти к положению, противоположному исходной мысли процитированного автора. Например, фраза апостола Павла о «тени» и «теле» служит Мережковскому опорой для сопоставления языческих богов и Христа, апостол же имеет в виду не язычество, а ветхозаветные учреждения.

Цитата, чужой текст, кроме аргумента в рассуждении имеют и другую функцию. Сначала чужая мысль дается с указанием источника, затем отдельное словосочетание приводится уже без ссылки на автора и становится своего рода скрепой, рефреном повествования (так некогда в исторических романах писателя многократно повторялись одни и те же эпитеты, сравнения, высказывания и даже длинные описания). Этим словосочетанием Мережковский вызывает в памяти читателя всю цитату как доказательство, и оно становится лейтмотивом его текста. Такие цитаты-словосочетания приводятся из Платона, Бергсона и др.

Иногда это цитаты стихотворные – тогда они являются не только доказательством, но и образной иллюстрацией мысли. Чаще всего Мережковский обращается к стихам М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, В. С. Соловьева, З. Н. Гиппиус.

Такой же иллюстрацией служат и описания памятников, артефактов мировой культуры: как вербальных, так и визуальных. Это тексты мифов, самые известные архитектурные сооружения, скульптура и живопись изображаемой культуры. Все они истолковываются в духе основных идей писателя.

Наконец, отдельно можно выделить доказательства через лингвистические сопоставления, этимологию. Сравнивая греческие, арамейские слова, их перевод, их толкование, ища общие корни, писатель тоже находит доказательства для своих идей: «По-гречески, Πνεῦμα, Дыхание, среднего рода, по-латински Spiritus, Дух – мужского рода,

по-еврейски Ruach, то мужского, то женского, по-арамейски *Ruacha* – всегда женского» [Мережковский, 2017, с. 207].

В лексике трактатов можно найти соответствия научному стилю. В тексте достаточное количество философских и искусствоведческих терминов: *силлогизмы, индукция, имманентный, трансцендентный, эмпирический, метафизика, гемма, глиф*. Также много географических названий, обозначений памятников культуры, имен богов, фамилий исследователей – вообще имен собственных. Как уже указывалось, в текст включаются и заковыченные (а порой и расковыченные) словосочетания из других текстов, слова на разных языках – греческом, арамейском, вавилонском, латыни.

Для синтаксиса, как и полагается в научном стиле, характерны сложноподчиненные предложения. Можно найти придаточные условия, цели, сравнительно-сопоставительные конструкции. Например: «Чтобы сделать свободный выбор, надо знать, а чтобы знать, надо страдать, жажда свободы есть жажда познания-страдания» [там же, с. 552].

Много уточнений, цепочек синонимов, обобщений. Для доказательства своих идей Мережковскому необходимо показать единство мировой культуры, поэтому обобщение – один из его излюбленных приемов; чаще оно находится в конце предложения: «Весь Египет, Вавилон, Ханаан, Хаттея, Эгея, Израиль – весь Отчий Завет идет по этому пути» [там же, с. 196].

Большое количество фраз построено по принципу научного определения или объяснения. Для этого используется глаголы *есть*: «Напряжение двух противоположных начал есть Божественная сущность мира» [там же, с. 147] – или *значит*: «Смерть и воскресение Бога – вот что значит Таммузовы таинства – для пророка “мерзости”» [там же, с. 184].

Но весь этот аппарат конструкций, свойственный научному стилю – облегчается, поэтизируется. Сухое рассуждение становится образным текстом; размышление из отвлеченного перерастает в убеждающее – благодаря ряду приемов, в которых отражается и способ мышления Мережковского, и его мастерство художника.

Прежде всего, сам строй текстов Мережковского подчинен определенному ритму. Ритм этот задается не только обрывом, паузами внутри фрагментов; но и последовательностью предложений и слов внутри предложения. Используется параллелизм конструкций, антитезы, неполные предложения, – весь арсенал античной риторики, «георгианские фигуры». Часто Мережковский играет на контрасте: за длинной конструкции, осложненной сложноподчинениями, уточнениями и т. п., – следует короткое предложение, как заключительный удар:

Как в сверкающей под зажигательным стеклом донца, в одну точку св. Земли направлены четыре луча с четырех концов света: с юга, из Египта, луч Сына, Озириса; с севера, из Хеттеи, луч Матери, Кибелы; с востока, из Вавилона, луч Отца, Эа; и с запада, из Крито-Эгеи, троичный луч – Отца, Сына и Матери. А зажигаемая точка – Вифлеемская Звезда [там же, с. 427–428].

Благодаря лаконизму и афористичности, при динамично-сложной синтаксической конструкции, фразы легко запоминаются. Стиль Мережковского, безошибочно узнаваемый, выдает мыслителя-поэта. Например: «...в ледяных гранях Апполоновых чисел – огненное вино исступлений Дионисовых» [там же, с. 26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, черты научного дискурса обнаруживаются на всех уровнях текста: в содержании, способе изложения и построения материала, в языке (лексике и синтаксисе). Поэтому «Тайну Трех» и «Тайну Запада» можно назвать религиозно-философскими трактатами, основанными на историко-культурном материале, «Иисуса Неизвестного» – религиозно-философским, с включением художественных отрывков. С некоторым допущением их можно назвать и трактатами экзегетическим (поскольку в первых двух толкуются тексты языческих мифов, а в третьем – Евангелие).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мережковский Д. С. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 14. М.: Дмитрий Сечин, 2017.
2. Амфитеатров А. Существовала ли Атлантида? // Сегодня. 1930. 14 дек. С. 2–3.
3. Никулина Н. А. Мотивная структура романа-эссе Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002.
4. Лавров А. В. Мережковский Д. С. // Литература русского зарубежья (1920–1940). Отв. ред. Б.В. Аверин, Н. А. Карпов, С. Д. Титаренко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 344–365.
5. Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 2008.

6. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000.
7. Многообразие жанров философского дискурса. Коллективная монография. Под ред. В. И. Плотникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001.
8. Пасхмусс Т. Письма Зинаиды Гиппиус Владимиру Злобину. 1922–1923 // Новый журнал. 1998. № 212. С. 193–227.
9. Мережковский Д. С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб.: РХГИ, 2001.
10. Мережковский Д. С. Иисус Неизвестный. М.: Республика, 1996.
11. Бердяев Н. А. Новое христианство (Д. С. Мережковский) // Д. С. Мережковский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. С. 331–354.

REFERENCES

1. Merezhkovskiy, D. S. (2017). *Sobranie sochineniy v 20 t., t. 14* = The Works in 20 vol., vol. 14. Moscow: Dmitrii Sechin. (In Russ.).
2. Amfiteatrov A. (1930). *Sushchestvovala li Atlantida? = Did Atlantis exist? Segodnya=Today, 14 December (2–3).* (In Russ.).
3. Nikulina N. A. (2002). *Motivnaya struktura romana-esse D. S. Merezhkovskogo «Iisus Neizvestnyy» = The motif structure of D. S. Merezhkovsky's novel-essay «Jesus Unknown».* PhD in Philology. Tyumen (In Russ.).
4. Lavrov A. V. (2013). *D. S. Merezhkovskii = D. S. Merezhkovsky. Literatura russkogo zarubezh'ia (1920–1940) = Literature of the Russian abroad (1920–1940).* St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University (344–365). (In Russ.).
5. Polonskiy V. V. (2008). *Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoy literature kontsa XIX–nachala XX veka = Mythopoetics and dynamics of the genre in Russian literature of the late XIX–early XX century.* Moscow: Science. (In Russ.).
6. Khalizev V. E. (2000). *Teoriya literatury = Theory of literature.* Moscow: High School. (In Russ.).
7. Plotnikov V. I. (Ed.). (2001). *Mnogoobrazie zhanrov filosofskogo diskursa = Diversity of genres of philosophical discourse.* Ekaterinburg: Cultural Information Bank. (In Russ.).
8. Paskhmuss T. (1998). *Pis'ma Zinaidy Gippius Vladimiru Zlobinu. 1922–1923 = Letters of Zinaida Gippius to Vladimir Zlobin 1922–1923.* New Review, 212 (193–227). (In Russ.).
9. Merezhkovskiy D. S. (2001). *Tsarstvo Antikhrista: Stat'i perioda emigratsii = The Kingdom of the Antichrist: Articles of the period of exile.* St. Petersburg: RCHI. (In Russ.).
10. Merezhkovskiy D. S. (1996) *Iisus Neizvestnyy [Jesus Unknown].* Moscow: Republic. (In Russ.).
11. Berdyaev N. A. (2001). *Novoe khristianstvo (D. S. Merezhkovskiy) = A new Christianity (D. S. Merezhkovsky).* D. S. Merezhkovskiy: pro et contra. St. Petersburg: RCHI. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осьминина Елена Анатольевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Osminina Elena Anatolievna

PhD (Philology), Associate Professor
Professor of the Department of the World Culture
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication